

Текст · 25 июля 2022, 14:29
Сергей Смирнов, Анна Павлова,

«На полтора года колонии я морально уже была готова». Депутатка Хельга Пирогова — о преследовании силовиков, вынужденном отъезде и взглядах россиян на войну

Во-первых, действительно очень хорошо, что я в Тбилиси, а не на допросе сегодня была. Это не может не радовать. Я выбрала [Грузию], потому что это такая достаточно понятная, мне кажется, точка, количество политических активистов, которые сюда переехали, велико. Есть куда ехать, есть к кому ехать и есть какая-то возможность заземлить себя. Последние несколько дней — с тех пор, как меня задержали, как завели дело, плюс дорога — все-таки достаточно нервные были. И возможность выдохнуть в окружении людей, которых ты знаешь, на которых можно положиться, когда находишься в целом в безопасности, конечно, сильно помогает морально.

Об административном и уголовном делах

[При задержании 21 июля] мне не предъявили санкцию^[1] [прокурора], мне не объяснили, что вообще происходит, кто меня задерживает. То есть я потом уже, постфактум узнала, что это был сотрудник Центра «Э». Меня просто подняли на руки и

запихнули в машину. Мне сказали уже в машине, что составляется протокол об административке^[2].

Спасибо, конечно, что они дождались окончания^[3] аукциона, и мы спокойно его довели до конца. Все лоты продали.

Я, больше того, скажу: на аукционе было несколько сотрудников Центра «Э», мы насчитали троих точно. А вход на аукцион был платный, и эти деньги тоже шли в счет благотворительности. То есть можно считать, что Центр «Э» профинансировал оппозицию и помог им немножечко закрыть судебные штрафы.

[В административном деле] были какие-то лингвисты. [Согласно экспертизе моего твита-^[4]] он опирается на статью о добровольцах, а раз добровольцы — это часть вооруженных сил, то, соответственно, и мой твит относится к действиям Вооруженных сил Российской Федерации. Поскольку лингвистическая экспертиза подтвердила негативную коннотацию моих слов, то, соответственно, это является дискредитацией.

Мне казалось, что если есть административка, то, наверное, вряд ли должно быть что-то другое. С другой стороны, были опасения, потому что административку МВД завело, а возбуждился Следственный комитет, и в любом случае это две разные структуры, и каким образом они будут исполнять свои приказы, большой вопрос.

Если честно, была надежда, что это не будет развиваться столь стремительно. То есть я надеялась, конечно, что не придется уезжать не просто за один день, а буквально за пару часов.

Вообще могу высказать благодарность сотрудникам новосибирского Следственного комитета, потому что был достаточно четкий, мне кажется, знак, что очень быстро [события будут развиваться]. В первый раз [20 июля] Бастрыкин сказал провести проверку, ничего не было, передали только МВД, административку эту возбудили, то есть ничего не происходило. И только после того как [22 июля] Бастрыкин потребовал открыть дело, Следственный комитет новосибирский что-то как бы делал, при этом они не пришли с обыском. По сути, они дали мне пару дней выходных.

Я не говорю, что когда мне следователь звонил и приглашал на допрос, там были какие-то намеки [что они специально не торопятся], но, мне кажется, достаточно очевидно, что если на тебя глава Следственного комитета быкует, простите, то есть чего опасаться, что это дело в любом случае, даже если бы там ничего не нашли. Все равно на тормозах не спустится, в любом случае мальчик для битья, в данном случае — девочка для битья им нужна. Спустить всех собак все равно на кого-то надо, и показательная порка должна быть проведена со всей строгостью. Поэтому то, что они не стали сразу проводить обыск, как очень часто происходит (сначала с обыском приходят, с обыска забирают — и все, ты уезжаешь в СИЗО, и прощай, счастливая жизнь), я считаю форой от Следственного комитета новосибирского.

Никаких новостей [о допросе, который должен был пройти сегодня] нет. Возможно, следователь мне звонил, об этом я не знаю, потому что моя новосибирская симка не активна, написать в ватсапе они мне не догадались.

Мне очень, очень интересно посмотреть лингвистическую экспертизу, которая будет в деле. Это капец как любопытно. Я не знаю, может быть, это «фейк» о том, что тамада плохой, может быть, это «фейк» о том, что похороны были не роскошные. Я правда не понимаю. В общем, это, конечно, абсолютно «докопаться до столба».

О доносчиках

[Моя антивоенная позиция других депутатов] очень сильно раздражала. Но, кстати, донос написали не единороссы. Я, если честно, вообще очень смутно представляю, как правильно политическую ориентацию [доносчиков] назвать. С одной стороны, они не единороссы официально, а с другой стороны, это все миньоны депутата Государственной думы Дмитрия Савельева, который очень сильно не любит «Коалицию»^[5], очень сильно не любит меня. И достаточно долго и давно были попытки меня с округа как-то сбросить.

В общем, большинство депутатов, которые подписали письмо, из ЛДПР, сам Савельев же был в ЛДПР, потом он перебежал в «Единую Россию». Часть депутатов местных осталась в ЛДПР, и часть из них тоже, по-моему, в «Единую Россию» перебралась. То есть ребятам вообще не принципиальны их взгляды, и главное, чтобы им платили деньги за то, что они застройщика лоббируют.

Хельга Пирогова. Фото: Коалиция Новосибирск 2020 / Facebook

[Их раздражала не только антивоенная позиция] все дело вообще не с этого началось. Савельев связан с одним из таких крупных застройщиков в городе, и они по очень мутным схемам всегда получали

землю — за какой-то бесценок достаточно лакомые кусочки в центре города. У меня в округе они построили дом-высотку в 25, условно, этажей в десяти метрах от школы, окна в окна. И никого это не волнует. Мы активно с этим боролись, участвовали в комиссиях, у нас куча обращений, куча писем о том, чтобы прекратить это. Мы им действительно мешали. Поэтому у них достаточно сильный зуб на нас, в целом на «Коалицию».

[Твит] это такой удобный повод. Будем честны, если бы [депутат новосибирского заксобрания Андрей] Панферов не написал этот донос, если бы эти депутаты не написали обращение к Бастрыкину, никто бы в жизни не узнал про этот твит. То есть они сами раздули, они сами начали везде писать текст этого твита. Куча журналистов, если можно так назвать, раскрутили эту историю с нуля. Условно говоря, они сами сделали эту ситуацию, они сами превратили маковое зернышко в такой огромный пузырь.

Хельга Пирогова не скрывала своих антивоенных взглядов и осуждала нападение России на Украину. В марте она пришла на заседание горсовета в синей рубашке и венке из декоративных подсолнухов. «Вице-спикеры начали истошно орать чушь про предателей Родины, фашистскую гидру и то, что у нас мандаты отобрать надо», — писала она потом.

Сейчас на порядок выше количество хейта, который [на меня] выливается, сообщения, которые мне пишут. Это, конечно, может быть такой

потрясающий кейс для социологов — [какие слова пишут] люди, которых оскорбил твит про погибших добровольцев. То есть писать живому человеку то, что они пишут, что со мной надо сделать, как со мной надо сделать, в какой последовательности, для них это нормально. И то, что у них в голове абсолютно это стыкуется, это, конечно, совершенно, мне кажется, удивительное свойство, не знаю, психики человеческой. Я уверена, что это не то чтобы их прямые мысли, что там люди какие-то злые и действительно ли им хотелось сделать то, что они мне пишут. У них есть наверняка какие-нибудь мужья, жены, дети, и они всех любят, и они готовы помогать собачкам, кошечкам, но тем не менее готовы не то что оскорблять... Если честно, слово «оскорбление» слишком легкое для того, что они мне пишут.

Об отъезде из России

Я очень сильно не хотела уезжать. Я до сих пор не хочу уезжать, как бы это нелепо ни звучало. Я очень люблю Россию, мне бы хотелось, чтобы у нас дома все было хорошо и спокойно. И я действительно до последнего не планировала. У меня было единственное [условие]: если меня будут прямо выдавливать, заведут уголовное дело, то это единственный случай, когда я уеду.

Хельга Пирогова. Фото: личная страница в Facebook

Я понимаю людей, которые уезжают из России, потому что жить в России сейчас, когда идет такая волна ненависти к тем, кто отличается хоть немножечко от государственной политики, это нормально. Потому что [там] хорошая, нормальная, спокойная жизнь без каких-то переживаний, без самоцензуры.

Самоцензура — это самое отвратительное вообще, что может быть сейчас в России, когда ты должен постоянно думать, что ты можешь сказать, что ты можешь написать, о чем, с кем ты можешь говорить, а какие темы не затрагивать. Это очень сильно давит, это очень сильно напрягает. Я понимаю людей, которые уезжают просто потому, что сложно с этим.

Но я была готова к тому, что мне будет прилетать за то, что я говорю. И мне прилетало, того же хейта стало больше. И к этому я была морально готова, но лишать себя многих лет жизни, здоровья, а тем более подвергать опасности жизнь своего ребенка^[6] я не готова была. То есть если бы я не была в таком положении, то, возможно, я бы даже пошла на этот допрос посмотреть, что там как.

На полтора года [колонии] я в общем и целом морально уже была готова какое-то время назад. То есть это не семь лет, конечно, как дали Горинову, полтора года — это еще не так страшно. Страшно, но что делать.

Если честно, до сих пор я не понимаю: я маленький человек из региональной политики, я вообще не понимаю, как это все раздулось, и почему, и зачем. И для меня в целом вся эта ситуация как-то так нелепо звучит, и я до сих пор не могу понять и принять, что фраза «На меня завели уголовное дело» может ко мне как-то относиться, потому что я ничего не сделала противоправного, я не нарушила законов, никто не пострадал от моих действий. И поэтому говорить о том, что я преступник, нельзя. Но вот, оказывается, что для России теперь оживление мертвых — это преступление.

О победе на выборах

У меня действительно был очень короткий путь от, условно говоря, прихода в политику до победы на выборах. Буквально пара месяцев. В общем, мало кто из политиков может таким похвастаться. Но у меня была активная избирательная кампания. Я обходила весь свой округ, знакомилась, общалась с людьми и, наверное, просто смогла вызвать доверие у них. Они доверили мне свои голоса, потому что запросы у людей на изменения огромные, и на другую точку зрения, и на какие-то оппозиционные взгляды. Это можно заметить в целом по выборам тем, которые у нас были в 2020 году в городской совет.

Тогда у нас было пять точно победителей, кандидатов, которые победили, но мы вчетвером стали депутатами, и еще Вячеслав Якименко, у которого украли победу вбросами. И у нас почти все остальные кандидаты — их было 32 или 34 — заняли вторые места с очень маленькими отрывами. То есть полуторамиллионный город, ресурсы у провластных кандидатов были гигантские, там было все, в общем, расписано, что, как, где кто побеждает, и при этом приходят какие-то — ну вот только что создана коалиция — активисты, которые берут и показывают очень хороший результат.

Моя победа еще не в последнюю очередь, конечно, произошла из-за того, что меня не воспринимали всерьез. Ну, во-первых, сексизм никто не отменял — пришла какая-то блондинка и чего-то пытается делать без особых бюджетов. У меня реально бюджет на избирательную кампанию был порядка 60 тысяч рублей, а они там миллионами ворочают. И понятное дело, что я не выиграю выборы, само собой. И кандидат от «Единой России» — он самовыдвиженец, конечно, был, но все прекрасно знают, что его поддерживала «Единая Россия» — и кандидат от КПРФ друг с другом какие-то битвы устраивали, особо на меня внимания не обращали. Редко вбросы какие-то были.

А потом главного кандидата, который должен был выиграть и этот округ себе забрать, через неделю посадили за взятку.

О поддержке войны в России

Конечно, говорить о том, что все [в России] поддерживают войну, это — господи, я могу спокойно говорить слово «война» — неправда, это ошибка. Огромное количество людей не поддерживают, огромное количество людей просто молчат, потому что они видят, что происходит. И, собственно говоря, моя деятельность в этом контексте, посты, высказывания в том числе были для этого — чтобы показать людям, что, ребята, вы не одни, нас действительно много. И я вижу по откликам и по сообщениям, которые в личку приходили, что людям это действительно помогает, людям это действительно важно, значит, в общем, я все делаю правильно. Поэтому ошибка, конечно, думать, что все поддерживают.

К сожалению, когда ты уезжаешь за границу, у тебя становится гораздо меньше не кредит доверия, но... Когда ты внутри страны, рядом с людьми, и говоришь с ними об этом — это одно. А когда ты уезжаешь, понятное дело, что немножечко снижается влияние, назовем это так.

Тем не менее людям важно слышать, что они не одни и их действительно много. Ну, просто, если ты говоришь, что всех укрофашистов надо убивать, ты как бы молодец, а если ты говоришь, что никто никого не должен убивать, то ты, значит, гнида позорная и тебя надо закрыть в СИЗО или административку тебе дать. И понятное дело, что люди просто молчат. Ну, такая государственная политика, к сожалению. Я надеюсь, что однажды, в очень ближайшем будущем, все поменяется.

Редактор: Агата Щеглова

1. Поскольку Пирогова — депутатка, для ее задержания необходимо разрешение прокурора.
2. На депутатку составили протокол о «дискредитации» армии (статья 20.3.3 КоАП).
3. Пирогову задержали после благотворительного аукциона, где собирали деньги на погашение штрафов за участие в мирных акциях.
4. В своем твите Пирогова написала: «Это просто невыразимо, хочется их всех оживить, сильно надавать по щекам и обратно пусть в могилы идут. А то зря, что ли, такие роскошные похороны устраивали».
5. «Коалиция Новосибирск 2020», созданная независимыми новосибирскими депутатами во время выборов два года назад.
6. Пирогова находится на четвертом месяце беременности.